

But their mission is exceptional - they are the keepers of musical chaos sounding and creative potential of cultural unfolding scenario, the whole idea that only knows «Author». Formalizing it is contraindicated. In the world of market relations the concept of humanitarian or philosophical «product» denies a priori meaning of the eternal values of music and gaming nature of free creativity, projecting condition of the culture and evolution of updated forms.

Culture is being, which preserves human values that define the true meaning of man and saves him from the destruction of the living space. Culture in times of utilitarian and cultural barbarism, is designed to hold a barometer of eternal values. So culture does not fit into the modernization. This is its exclusive mission. In this our «doom» on the culture as a refuge, the bosom, pervobytie wisely protects sparkle baby from the danger of self-destruction. Homo culturae - and more! No other way. «Author» knows how to extend the play in eternity. We trust him, carrying out a role in its homo culturae metahistorical destination.

Key words: culture, modern, utilitarian, aesthetic, homo culturae.

УДК 1(091)

Шталович А. М.

доктор философских наук, доцент,
професор кафедры философии,
Днепропетровского национального
университета имени Олеся Гончара
(Днепропетровск, Украина),
E-mail: visnukDNU@i.ua

СООТНОШЕНИЕ ИДЕЙ ЭРОСА И АГАПЕ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены варианты решения вопроса о соотношении идей эроса и агапе в истории религиозно-философской мысли, которые были сгруппированы по трем основным направлениям: дуалистическом, монистическом и синтезном. Автор статьи на материалах русской религиозно-философской мысли обосновывает, что синтезное направление является приоритетным и основополагающим для других направлений.*

***Ключевые слова:** эрос, агапе, философия любви, русская философия.*

Варианты решения вопроса о соотношении идей эроса и агапе в истории религиозно-философской мысли можно (в первом приближении) сгруппировать в три основных направления: дуалистическое, монистическое и синтезное.

В наиболее распространенном – дуалистическом направлении имеет место устойчивое противопоставление указанных видов любви [15] или их вариантов: любви-эроса и любви-каритас [28], amor concupiscentiae (любовь собственническая) и amor benevolentiae (любовь самоотверженная) [6]. Так, Д. Гильдебранд пишет о громадном превосходстве агапе по сравнению с эросом, которое дает нам право противопоставить христианскую любовь к ближнему (как сверхъестественную) – эросу (как естественной любви) [6, с. 401]. В наиболее резкой форме указанное противопоставление постулирует А. Нигрен в исследовании «Эрос и агапе» [26]. Он сопоставляет эрос и агапе как два полярных мотива (лейтмотива) античности и христианства, которые не имеют ничего общего в своей сути, но в исторической реальности христианской патристики смешиваются [26, с. 667, 678]. В содержании эроса А. Нигрен выделяет несколько основных значений: «любовь желания» или «жадная любовь», путь человека к Божественному и эгоцентрическая любовь [26, с. 175-176]. Агапе как самодостаточная идея любви в христианстве отождествляется мыслителем с сущностью Бога [26, с. 151]. А. Нигрен приводит схему соотношения идей эроса и агапе по отношению к четырем ступеням: Божьей любви, любви к ближним, любви к Богу и самолюбию. Максимум агапе, по его мнению, находится в Божьей любви. Уменьшаясь, она лучше проявляется в любви к ближним, и имеет

ноль в самолюбии. И наоборот, максимум эроса – в самолюбии, затем в любви к Богу, и соответственно ноль в Божьей любви [26, с. 219].

В монистическом направлении идеи эроса и агапе отождествляются. В качестве примера можно привести взгляды Псевдо-Дионисия Ареопагита, по мнению которого, богословы почитают одинаковыми имена Агапе и Эрос, но к божественному применяют главным образом имя Истинный Эрос (*ουτως ερωτα*) – из-за нелепого предрассудка определенного рода людей. Речь в данном случае идет о настороженном отношении в христианской среде к термину «эрос» из-за его гедонистических и вульгарных «оттенков» в мифологической, религиозной и общественной сферах античности. Неудивительно поэтому, что сам термин «эрос» вовсе не встречается в книгах Нового Завета, а в христианской культуре он зачастую использовался для характеристики искаженной грехопадением «жадной» любви. Однако у Псевдо-Дионисия идея эроса преобразуется за счет его соединения со специфически христианской идеей доброй, жертвенной, милосердной и заботливой любви-агапе, причем не только на человеческом, но и на божественном уровне. По слову Ареопагита, Бог не только сам суть любовь и вожделение (агапе и эрос), но и причина, и как бы основатель и прародитель любви и вожделения, благодаря которым и он побуждается к движению, и они от него; иначе говоря, он сам себя подвигает к движению и ведет к самому себе. Поэтому и называют его то возлюбленным и вожделенным (*αγαλτητον και εραστον*) – как прекрасного и благого, то, опять-таки, – вожделением и любовью (*ερωτα και αγαλην*), как подвигающую к движению и в то же время ведущую к себе единую и саму по себе прекрасную, благую и самовыявляемую благодаря себе силу [7, с. 45; 27, 160.1-18].

В третьем, синтезном направлении, подчеркивается неразрывная связка эроса и агапе, которая была неоднократно артикулирована в истории религиозно-философской мысли. Так, в восточной патристике (Иоанн Златоуст, Максим Исповедник) встречается сложное многоаспектное словосочетание: *ερωτι της αγαλης* [25, 1.10] или *ερωτος της αγαλης* [24, 63.572.40], которое переводят как «влечение любви» [13, с. 180], «пламенная страсть любви» [10, с. 491], «напряженная любовь» [9, с. 373]. С. Кьеркегор в работе «Или-или» предпринимает попытку совместить земную любовь (эрос) и духовную любовь (христианскую агапе) в идее романтической любви в браке [11, с. 532-533]. Бенедикт XVI в энциклике *Deus Caritas Est* («Бог Есть любовь») утверждает, что на самом деле эрос и агапе (любовь восходящая и любовь нисходящая) никогда не могут быть полностью отделены друг от друга. По мнению понтифика, «любовь» в своей основе является единой реальностью, имеющей пусть даже разные измерения; иногда то одно, то другое из них может проявляться в большей степени. Однако там, где два измерения полностью отделяются друг от друга, появляется карикатура на любовь, либо обедненная форма любви [23, 7-8].

Сопоставляя указанные направления между собой, следует обратить внимание на то, что в дуалистическом и монистическом направлениях мыслители, так или иначе, затрагивают вопрос синтеза идей эроса и агапе. Таким образом, синтезном направлении, по мнению автора статьи, является приоритетным и основополагающим для других направлений. Для обоснования данного тезиса, учитывая ограниченные рамки статьи, сузим исследовательское поле и обратимся к русской религиозно-философской мысли, представители которой внесли существенный вклад в рассмотрение вопроса соотношения идей эроса и агапе.

Отправной точкой анализа примем классификацию В. Шестакова. Он различает две линии в русской философии любви [22, с. 14]. К первой из них, ориентированной на неоплатонический эрос, он относит Вл. Соловьева, Л. Карсавина, Б. Вышеславцева, З. Гиппиус. Ко второй, ориентированной на каритас (то есть на христианскую агапе и на «...связанный с ними комплекс идей христианской этики, относящийся к семье и браку» [22, с. 14]) – П. Флоренского, С. Булгакова, И. Ильина. Незавершенную попытку синтеза двух направлений В. Шестаков находит у Н. Бердяева.

В терминах, предложенной нами классификации этому соответствует дуалистическое (противопоставление линий Вл. Соловьева, Л. Карсавина, Б. Вышеславцева, З. Гиппиус с одной стороны и П. Флоренского, С. Булгакова, И. Ильина – с другой) и синтезное (Н. Бердяев) направления.

Если синтезная позиция Н. Бердяева (который утверждает, что восходящая любовь-эрос может и должна соединиться с нисходящей любовью-агапе, а иначе не достигается полноты [3, с. 298]) не вызывает сомнения, то дуалистическое направление (или, в терминах В. Шестакова, противопоставление линий эроса и каритас-агапе) весьма условно, так как не учитывает синтезных тенденций, содержащихся в работах перечисленных В. Шестаковым мыслителей. Так, например, Вл. Соловьев, с одной стороны, может быть отнесен к дуалистическому направлению, ориентированному на «линию» неоплатонического эроса [17; 18], так как именно в его работах представлена первая в русской философии развернутая концепция эроса [4, с. 10]. Но с другой стороны, его концепция эроса должна быть более четко увязана с агапическими аспектами понимания любви как самоотрицания, противоположного эгоизму [19, с. 234].

Аналогично обстоит дело и у других мыслителей, позиции которых согласно В. Шестакову следовало бы отнести к той или иной линии дуалистического направления. Так, Б. Вышеславцев хотя и акцентирует внимание на идее эроса [5], но в то же время подчеркивает важность связки и отождествления идей эроса и агапе в патристике (у Ареопагита и Максима Исповедника). Данное отождествление он характеризует как выражение со всею точностью идеи «сублимации» Эроса [5, с. 48]. Синтезные тенденции не менее явны и у П. Флоренского, хотя В. Шестаков относит его лишь ко второй линии (каритас-агапе). Тем не менее, П. Флоренский уделяет достаточное внимание проблематике идеи эроса. Так, анализируя Платона, он характеризует эрос с христианской точки зрения, как «...внутреннее, неотъемлемое от души и неукротимое искание вечной памяти» [21, с. 197]. Он же проводит анализ различных глаголов любви, определяя важную роль эроса для обозначения высшей любви к Богу в учениях православных подвижников [21, с. 403]. И хотя П. Флоренский, как подчеркивают исследователи (например, [1, с. 160]) делает ставку на понятие любви-филии, но это понятие совмещает в себе моменты *φίλια*, *ερως* и *αγάπη* [21, с. 400]. Он же указывает и на сходство понятий *φίλια* и эрос по содержанию [21, с. 399]. А для иллюстрации самой главы о дружбе П. Флоренский применяет изображение именно двух эросов (амурчиков), стреляющих друг в друга [21, с. 393].

Таким образом, в дальнейших исследованиях философии любви в русской философии следует исходить из синтезного направления и рассматривать его различные варианты. Преимущество использования синтезного направления для понимания многогранного феномена любви продемонстрируем на примере анализа любви князя Мышкина в романе Ф. Достоевского «Идиот».

Ряд исследователей акцентирует внимание лишь на жертвенной (агапической) любви как наиболее ключевой для творчества Ф. Достоевского. Так, например, Д. Орвин обращает внимание на то, что писатель считал любовь чувством истинно бескорыстным. Его позицию относительно любви исследовательница систематизирует в качестве конкретного нравственного порядка: «Быть добрым к другим и даже жертвовать собой ради их блага – это есть добро; действовать из эгоистических побуждений, особенно попирая таким образом индивидуальную свободу и права других – это зло» [16]. Такое самопожертвование, с точки зрения Д. Орвин, есть отличительный признак того, что Ф. Достоевский называет истинной христианской любовью. Указанные свойства действительно составляет сердцевину поступков князя Мышкина. Достаточно вспомнить его отношения с Мари, Настасьей Филипповной, Аглаей, Рогожиным, Лебедевым, Ипполитом, пронизанные состраданием, жертвенностью, заботой, прощением. Однако, позиция, которой придерживается Д. Орвин, существенно сужает феномен любви, описываемый писателем в образе

князя Мышкина. Так, например, из рассуждений исследовательницы не совсем понятно как красота Настасьи Филипповны может вдохновлять и приводит в восторг князя.

Поэтому следует учитывать и противоположную точку зрения, высказанную Н. Бердяевым. Он акцентирует внимание на эротическом характере любви, описанной в литературных персонажах Ф. Достоевского: «Любовь у Достоевского исключительно дионисична. Путь человека у Достоевского есть путь страдания. Любовь у него – вулканическое извержение, динамитные взрывы страстной природы человека» [2, с. 273]. В любви князя Мышкина действительно эти и другие признаки любви-эроса: стремление к красоте и восхищение ею, пламенность и пылкость, безрассудство и исступление. Достаточно вспомнить его первую встречу с Настасьей Филипповной или Аглаей.

Таким образом, любовь князя Мышкина невозможно объяснить исходя только из дуалистического направления. Но если принять во внимание синтезную позицию, то она помогает понять, что любовь-агапе и любовь-эрос переплетаются в душе данного персонажа. Однако агапе в данном синтезе остается доминирующей. В результате этого, семья не была создана князем ни с одной, ни с другой из указанных женщин. Очень показательным в этом отношении является его разговор с Евгением Павловичем накануне своей свадьбы с Настасьей Филипповной. Князь Мышкин поражает Евгения Павловича рассуждениями о любви одновременно и к Аглае, и к Настасье Филипповне. Приведем характерный отрывок:

«– Что же вы над собой делаете? – в испуге вскричал Евгений Павлович: – стало быть, вы женитесь с какого то страху? Тут понять ничего нельзя... Даже и не любя, может быть?»

– О, нет, я люблю ее всей душой! Ведь это... дитя; теперь она дитя, совсем дитя! О, вы ничего не знаете!

– И в то же время уверяли в своей любви Аглаю Ивановну?

– О, да, да!

– Как же? Стало быть, обеих хотите любить?

– О, да, да!

– Помилуйте, князь, что вы говорите, опомнитесь!» [8, с. 658-660].

В данном случае синтезное направление может помочь нам лучше понять сердечные порывы князя. Его любовь к Аглае и к Настасье Филипповне была хотя и эротически-пылкой, но в то же время агапически-братской (как к сестрам), а потому и казалась в его глазах одновременно возможной.

В то же время данный пример свидетельствует о несамодостаточном характере любви-агапе в отрыве от любви-эроса, как и наоборот. Обратный пример трагической попытки построения семьи лишь на доминировании чувственного эроса показан в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого. Проблема семьи Позднышева – в недостатке агапе (отсюда непонимание, ссоры, раздражительность, враждебность, ненависть). Л. Толстой описал типичный парадоксальный характер низменного эроса, который от восхищения быстро переходит к отвращению после своего удовлетворения. Позднышев сам признается: «Влюбленность истощилась удовлетворением чувственности, и остались мы друг против друга в нашем действительном отношении друг к другу, т. е. два совершенно чуждые друг другу эгоиста, желающие получить себе как можно больше удовольствия один через другого» [20, т. 27, с. 32]. В данном случае также можно говорить о синтезе эроса и агапе, но с доминированием первого. При этом агапе как жалость каждым супругом была направлена лишь на себя, выродившись в эгоизм.

Приведенные примеры свидетельствуют о несамодостаточности как идеи эроса, так и идеи агапе по отдельности для понимания многогранного феномена любви. Это касается, в том числе и божественной любви. Для подкрепления данного тезиса сошлемся на точку зрения русского дореволюционного профессора богосло-

вия С. Зарина. Он считает, что невозможно отождествить Божью глубину только с идеей агапе, даже ссылаясь на прямую формулу апостола Иоанна: Бог есть любовь (*αγαπη*) (1Иоан.4:8). Как отмечает С. Зарин, апостол Иоанн употребляет не одно, а три наименования Бога: Дух (Иоан.4:24), Свет (1Иоан. 1:5), Любовь (1Иоан.4:8), желая «...оттенить в Божеском существе только одну из наиболее характерных его черт» [9, с. 402]. В связи с этим, С. Зарин подчеркивает несостоятельность типичного протестантского учения ричлианства, которое полагает существо Божье исключительно в любви-агапе, вполне исчерпывающим содержание Божественного существа. Критикуя данную позицию, С. Зарин придерживается традиции богословия восточной патристики, согласно которому на пути апофатического богословия любое определение Бога является недостаточным. И. Мейендорф, обобщая идеи Псевдо-Дионисия, подчеркивает: «Бог абсолютно трансцендентен и выше бытия, и – до тех пор, пока мы остаемся в категориях существования, – может быть описан лишь в негативных терминах» [14, 1.4]. Как отмечает Вл. Лосский, когда говорят: «Бог есть Любовь», или «Божественные Лица соединены взаимной любовью», то имеют в виду их общее проявление, любовь-энергию, которой обладают все три Ипостаси, ибо единство Трех превышает даже самой любви [12, с. 172]. Что мы можем знать о Боге? Лишь только то, что Он Сам о себе открывает – таково коренное отличие религии откровения, в которой наряду с апофатическим путем открывается путь катафатический. Если следовать апофатике и катафатике, то ни один из терминов в полной мере не выражает сущности Божества. В Библии свыше 60 имен Божьих, Агапе – одно из них, которое по слову Григория Богослова благоугоднее Богу всякого другого имени [9, с. 402], но, тем не менее, данное имя не выражает собой вполне и безусловно самого существа Божьего и всей глубины Божьей любви.

Итак, подводя итог, подчеркнем, что синтезное направление, в котором подчеркивается неразрывная связка идей эроса и агапе является наиболее перспективным для анализа многогранного феномена любви, что и было продемонстрировано на примерах русской религиозно-философской мысли. При этом следует помнить, что любовь являет собой не механическую составленность разных граней, но некий цельный феномен, в котором аспекты эроса и агапе органически взаимопроникают и дополняют друг друга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Абрамов А. И. Метафизика любви и философия сердца в русской философской культуре / А. И. Абрамов // Философия любви. В 2 ч. Ч.1 / Под общ. ред. Д.П. Горского ; сост. А. А. Ивин. – М. : Политиздат, 1990. – С. 149-161.
2. Бердяев Н. А. Любовь у Достоевского / Н. А. Бердяев // Русский Эрос, или Философия любви в России / [Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков]. – М. : Прогресс, 1991. – С. 273-283.
3. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев // О назначении человека. – М. : Республика, 1993. – С. 254-357.
4. Васильев Д. Ю. Идея эроса в русской религиозной философии: автореф. дис...канд. филос. наук : 09.00.01 – Онтология и теория познания ; 09.00.03 – История философии / В. Д. Юрьевич ; [Башкирский гос. ун-т]. – Уфа, 1997. – 18 с.
5. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса / Б. П. Вышеславцев; Сост. В. В. Сапов. – М. : Республика, 1994. – 368 с.
6. Гильдебранд Д. (фон). Метафизика любви / Д. фон Гильдебранд; пер. с нем. А. И. Смирнова. – СПб. : Алетейя ; Ступени, 1999. – 628 с.
7. Дионисий Ареопагит. Божественные имена / Д. Ареопагит ; Перев. с греч. Л. Лутковского // Мистическое богословие / Христианская благотв.-просветит. ассоц. «Путь к Истине». – К. : Путь к истине, 1991. – С. 13-94.
8. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 10 т. Т.6. Идиот / Ф. М. Достоевский; под общ. ред. Л. П. Гроссмана и др. – М. : Гос. изд. Художественной литературы, 1957. – 736 с.
9. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению / С. М. Зарин. – [Перепеч. по изд. 1907 г.]. – М. : Паломник, 1996. – XV, 694, XXXI с.
10. Иоанн Златоуст. Беседа I. О любви // Творения святого отца нашего Иоанна Златоу-

ста архиепископа Константинопольского : в русском переводе. В 12 т. Т.12. Кн.1 / И. Златоуст. – Почаев : Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. – С. 483-913.

11. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. / С. Кьеркегор ; Пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. – СПб. : РХГА ; Амфора, 2011. – 823 с.

12. Лосский В. Н. Боговидение / В. Лосский. – М. : АСТ, 2003. – 760 с.

13. Максим Исповедник. Четыреста глав о любви / Исповедник Максим // Добротолюбие : в русском переводе святителя Феофана Затворника Вышенского : дополненное. В 5 т. Т. 3 / святитель Феофан затворник Вышенский. – [Перепеч. с изд. 1888 г.]. – М. : Паломник, 2003. – С. 177-245.

14. Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / Протоиерей И. Мейендорф ; Пер. с англ. В. Марутика. – Мн. : Лучи Софии, 2001. – 336 с.

15. Муретов М. Д. Новозаветная песнь любви сравнительно с «Пиром» Платона и «Песнью Песней Соломона» / М. Д. Муретов // Богословский вестник. – 1903. – №11. – С. 461-499 ; №12. – С. 559-612.

16. Орвин, Д. «Идиот» и проблема любви к другим и себялюбия в творчестве Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Д. Орвин ; Пер. с англ. Татьяны Бузиной // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения : Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / РАН ; Под ред. Т.А. Касаткиной. – М. : Наследие, 2001. – Режим доступа : <http://komdost.narod.ru/orvin.htm>.

17. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // Сочинения. В 2 т. Т. 2; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1988. – С. 582-625.

18. Соловьев В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Сочинения. В 2 т. Т. 2; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1988. – С. 492-546.

19. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьев // Сочинения. В 2 т. Т. 2; АН СССР, Ин-т философии. – М. : Мысль, 1988. – С. 139-289.

20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 27 / Л. Н. Толстой ; Под общ. ред. В. Г. Черткова. – М. : Гос. изд. Художественной литературы, 1936. – XI + 765 с.

21. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / Священник П. Флоренский. – Репр. воспроизв. изд. 1914 г. – М. : Лепта, 2002. – 814 с.

22. Шестаков В. П. Вступительная статья / В. П. Шестаков // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. – М. : Прогресс, 1991. – С. 5-18.

23. Энциклика *Deus caritas est* Верховного Понтифика Бенедикта XVI епископом пресвитерам и диаконом монашествующим и всем верным мирянам. О христианской любви [Электронный ресурс] / Бенедикт XVI // Рагцингер-Информ. – 2005. – Режим доступа : http://www.benediktvi.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=681&Itemid=68.

24. Joannes Chrysostomus. *Eclogae I-XLVIII ex diversis homiliis* [CD-R resource] / Joannes Chrysostomus // *Thesaurus Linguae Graecae* (E). Key 2062.338 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т.63 / J.-P. Migne. – P. 567-902.

25. Maximus Confessor. *Capita de caritate* [CD-R resource] / Maximus Confessor // *Thesaurus Linguae Graecae* (E). Key 2892.8 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : Massimo confessore. *Capitoli sulla carita* / Ed. Ceresa-Gastaldo, A. – Rome : Editrice Studium, 1963. – P. 48-238.

26. Nygren A. *Agape and Eros* / A. Nygren ; transl. by Philip S. Watson. – Philadelphia : The Westminster press, 1953. – 764 p.

27. Pseudo-Dionysius Areopagita. *De divinis nominibus* [CD-R resource] / Pseudo-Dionysius Areopagita // *Thesaurus Linguae Graecae* (E). Key 2798.4 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : *Corpus Dionysiacum i* / Ed. Suchla, B.R. – Berlin, 1990.

28. Scholz, H. *Eros und Caritas. Die platonische Liebe und die Liebe im Sinne des Christentums* / D. Dr. Heinrich Scholz. – Halle (Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1929. – 120 s.

REFERENCES:

1. Abramov A. I. *Metafizika lyubvi i filosofiya serdtsa v russkoy filosofskoy kul'ture* [Metaphysics of love and heart philosophy in Russian philosophical culture] // *Filosofiya lyubvi*. V 2 ch. Ch.1 / Pod obshch. red. D.P. Gorskogo ; sost. A. A. Ivin. – М. : Politizdat, 1990. – S. 149-161.

2. Berdyaev N. A. *Lyubov' u Dostoevskogo* [Love Dostoyevsky] // *Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* / [Sost. i avt. vstup. st. V.P. Shestakov]. – М. : Progress, 1991. – S. 273-283.

3. Berdyaev N. A. *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The

existential dialectic of the divine and the human] // O naznachenii cheloveka. – M. : Respublika, 1993. – S. 254-357.

4. Vasil'ev D. Yu. Ideya erosa v russkoy religioznoy filosofii [The idea of eros in the Russian religious philosophy]: avtoref. dis...kand. filos. nauk : 09.00.01 – Ontologiya i teoriya poznaniya ; 09.00.03 – Istoriya filosofii; [Bashkirskiy gos. un-t]. – Ufa, 1997. – 18 s.

5. Vysheslavtsev B. P. Etika preobrazhennogo erosa [Ethics transfigured eros]; Sost. V. V. Sapov. – M. : Respublika, 1994. – 368 s.

6. Gil'debrand D. (fon). Metafizika lyubvi [Metaphysics of love]; per. s nem. A. I. Smirnova. – SPb. : Aleteyya ; Stupeni, 1999. – 628 s.

7. Dionisiiy Areopagit. Bozhestvennye imena [Divine names]; Perv. s grech. L. Lutkovskogo // Misticheskoe bogoslovie / Khristianskaya blagotv.-prosvetit. assots. «Put' k Istine». – K. : Put' k istine, 1991. – S. 13-94.

8. Dostoevskiy F. M. Sbranie sochineniy. V 10 t. T.6. Idiot [Collected Works. The 10 tons. V.6. Idiot]; pod obshch. red. L. P. Grossmana i dr. – M. : Gos. izd. Khudozhestvennoy literatury, 1957. – 736 s.

9. Zarin S. M. Asketizm po pravoslavno-khristianskomu ucheniyu [Austerity for the Orthodox Christian teaching]. – [Perepech. po izd. 1907 g.]. – M. : Palomnik, 1996. – XV, 694, XXXI s.

10. Ioann Zlatoust. Beseda I. O lyubvi [Conversation I. About love] // Tvoreniya svyatogo ottsa nashogo Ioanna Zlatousto arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo : v russkom perevode. V 12 t. T.12. Kn.1 / I. Zlatoust. – Pochaev : Svyato-Uspenskaya Pochaevskaya Lavra, 2005. – S. 483-913.

11. K'erkegor S. Ili – ili. Fragment iz zhizni : v 2 ch. [Or – or. Fragment of life:]; Per. s dat., vstup. st., komment., primech. N. Isaevoy i S. Isaeva. – SPb. : RKhGA ; Amfora, 2011. – 823 s.

12. Losskiy V. N. Bogovidenie [Beholding of God]. – M. : AST, 2003. – 760 s.

13. Maksim Ispovednik. Chetyresta glav o lyubvi [Four chapters on love] // Dobrotolyubie : v russkom perevode svyatitelya Feofana Zatvornika Vyshenskogo : dopolnennoe. V 5 t. T. 3 / svyatitel' Feofan zatvornik Vyshenskiy. – [Perepech. s izd. 1888 g.]. – M. : Palomnik, 2003. – S. 177-245.

14. Meyendorf I. Vizantiyskoe bogoslovie. Istoricheskie tendentsii i doktrinal'nye temy [Byzantine theology. Historical trends and doctrinal themes]; Per. s angl. V. Marutika. – Mn. : Luchi Sofii, 2001. – 336 s.

15. Muretov M. D. Novozavetnaya pesn' lyubvi sravnitel'no s «Piom» Platona i «Pesny Pesney Solomona» [The New Testament song of love in comparison with the «Feast» and Plato's «Song of Solomon»] // Bogoslovskiy vestnik. – 1903. – №11. – S. 461-499 ; №12. – S. 559-612.

16. Orvin, D. «Idiot» i problema lyubvi k drugim i sebyalyubiya v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [«The Idiot» and the problem of love for others and self-love in the works of Fyodor Dostoyevsky] [Electronic resource]; Per. s angl. Tat'yany Buzinoy // Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya : Sb. rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh / RAN ; Pod red. T.A. Kasatkinoy. – M. : Nasledie, 2001. – Access mode: <http://komdost.narod.ru/orvin.htm>.

17. Solov'ev V. S. Zhiznennaya drama Platona [Life Drama of Plato] // Sochineniya. V 2 t. T. 2; AN SSSR, In-t filosofii. – M. : Mysl', 1988. – S. 582-625.

18. Solov'ev V. S. Smysl lyubvi [The meaning of love] // Sochineniya. V 2 t. T. 2; AN SSSR, In-t filosofii. – M. : Mysl', 1988. – S. 492-546.

19. Solov'ev V. S. Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya [Philosophical Principles of Integral Knowledge] // Sochineniya. V 2 t. T. 2; AN SSSR, In-t filosofii. – M. : Mysl', 1988. – S. 139-289.

20. Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochineniy. T. 27 [Full composition of writings]; Pod obshch. red. V. G. Chertkova. – M. : Gos. izd. Khudozhestvennoy literatury, 1936. – XI + 765 s.

21. Florenskiy P. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh [The pillar and ground of the truth: Experience Orthodox theodicy in twelve letters]. – Repr. vosproizv. izd. 1914 g. – M. : Lepta, 2002. – 814 s.

22. Shestakov V. P. Vstupitel'naya stat'ya [Prolusion] // Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii / Sost. V.P. Shestakov. – M. : Progress, 1991. – S. 5-18.

23. Entsiklika Deus caritas est Verkhovnogo Pontifika Benedikta XVI episkopam presviteram i diaconam monashestvuyushchim i vsem vernym miryanam. O khristianskoy lyubvi [Encyclical Deus caritas est of the Supreme Pontiff Benedict XVI to the bishops priests and deacons monastics and all the lay faithful. About Christian love] [Electronic resource]. // Rattsinger-Inform. – 2005. – Access mode: http://www.benedikt XVI.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=681&I

temid=68.

24. Joannes Chrysostomus. Eclogae I-XLVIII ex diversis homiliis [CD-R resource] // Thesaurus Linguae Graecae (E). Key 2062.338 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : Patrologiae cursus completus. Series graeca. T.63 / J.-P. Migne. – P. 567-902.

25. Maximus Confessor. Capita de caritate [CD-R resource] // Thesaurus Linguae Graecae (E). Key 2892.8 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : Massimo confessore. Capitoli sulla carita / Ed. Ceresa-Gastaldo, A. – Rome : Editrice Studium, 1963. – P. 48-238.

26. Nygren A. Agape and Eros; transl. by Philip S. Watson. – Philadelphia : The Westminster press, 1953. – 764 p.

27. Pseudo-Dionysius Areopagita. De divinis nominibus [CD-R resource // Thesaurus Linguae Graecae (E). Key 2798.4 / University of California. – Irvine, 2000. – Repr. : Corpus Dionysiacum i / Ed. Suchla, B.R. – Berlin, 1990.

28. Scholz, H. Eros und Caritas. Die platonische Liebe und die Liebe im Sinne des Christentums. – Halle (Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1929. – 120 s.

Шаталович О. М., доктор філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Співвідношення ідей Еросу і Агапе в російській релігійно-філософській думці

Анотація. У статті розглянуті варіанти вирішення питання про співвідношення ідей еросу і агапе в історії релігійно-філософської думки, які були згруповані за трьома основними напрямками: дуалістичному, моністичному і синтезному. Автор статті на матеріалах російської релігійно-філософської думки доводить, що синтезний напрямок є пріоритетним і основним для інших напрямків.

Ключові слова: ерос, агапе, філософія любові, російська філософія.

Shatalovich A. M., doctor of philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophy Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The ratio of the ideas of Eros and Agape in Russian religious and philosophical thought.

Abstract. The author analyzes the ratio of the ideas of Eros and Agape on the materials of Russian philosophy. Author of articles have proposed to classify solutions to the issue of the relationship between the ideas of Eros and Agape. The article examines three trends: dualistic, monistic, synthesis. The synthesis trend is the most promising direction for the analysis of the multifaceted phenomenon of love.

Possible solution to the question of the relationship between the ideas of eros and agape in the history of religious and philosophical thought possible (to a first approximation) grouped into three main areas: the dualistic, monistic and synthesis.

The most common - a dualistic direction holds steady opposition of these types of love, or their variants: love-eros and love-Caritas, amor concupiscentiae (possessive love) and amor benevolentiae (selfless love). The monistic idea of the direction of eros and agape are identified. In the third, the synthesis direction emphasizes the inextricable bunch of eros and agape, which has been repeatedly articulated in the history of religious and philosophical thought.

Synthesis direction, which emphasizes the inextricable bunch of ideas of eros and agape is the most promising for the analysis of the multifaceted phenomenon of love, and that was demonstrated by the example of Russian religious and philosophical thought. It should be remembered that love is not a mechanical drawing up of different faces, but a whole phenomenon, in which aspects of eros and agape organically interpenetrate and complement each other.

Key words: Eros, Agape, philosophy of love, Russian philosophy.